

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

Б.И. ЛИПСКИЙ

*Первое, что обещает философия, –
это умение жить среди людей,
благожелательность и общительность*
Луций Анней Сенека.

ВВЕДЕНИЕ МИР ФИЛОСОФИИ

Слово философия происходит из слияния двух древнегреческих слов: $\phi\lambda\epsilon\omega$ – любовь и $\sigma\phi\alpha$ – мудрость и означает – любовь (или стремление) к мудрости. Почему философия не сама мудрость, а только стремление к ней? Ведь обычно считают, что философия должна дать ответ на самые фундаментальные из вопросов, с которыми сталкивается человек, а то и все человечество в целом:

- что есть действительно существующее, и как отличить его от кажущегося?
- что есть истина, и как отличить ее от лжи?
- что есть добро, и как отличить его от зла?

Но если философ берется дать окончательные ответы на эти вопросы, он перестает быть философом. Он уже не стремится к мудрости, а убежден, что располагает ею, уверен, что именно его ответы являются единственно верными и должны быть безоговорочно приняты всеми народами и поколениями. Претензии на обладание подобного рода высшей истиной характерны для мифологии, для религии, для обыденной житейской морали или политической идеологии, но не для философии. Действительная задача философа состоит не в том, чтобы изрекать универсальные, годные «для всех времен и народов» вечные истины, а в том, чтобы показать стремящемуся к мудрости путь, идя по которому он сам смог бы ответить на мучающие его вопросы.

Естествознание и философия. Создавая предлагаемый курс, авторы ставили задачу ввести вас в мир философии, подобно тому, как курс физики вводит в мир физических явлений или курс биологии – в мир живой природы. Но мир философии отличается от мира физики или биологии. Изучая курсы естественнонаучных дисциплин, вы знакомитесь с теоретическими моделями *определенных областей* реальности: механических взаимодействий, электромагнитного поля, растительной или животной жизни и др. Основы этих моделей были заложены создателями классической

науки. Каждое новое поколение ученых развивало их идеи, внося свой вклад в *совместно создаваемую* общую теоретическую конструкцию. Так, например, система физического знания, развиваясь, постоянно обновлялась. Отдельные ее фрагменты либо отбрасывались как заблуждения прошлого, либо включались в состав новых теорий как их частные случаи. Но актуальной при этом всякий раз становилась самая последняя модель, представляющая «современный уровень» физического знания. Ее-то и изучали в школах и университетах в качестве *Физики* как таковой.

С философским миром дело обстоит совершенно иначе, поскольку *совместное созидание* его общепризнанной теоретической модели в принципе невозможно. Философские вопросы касаются не того или иного *фрагмента* мира, а *всего мира в целом*. Поскольку эти вопросы являются *предельно широкими*, истинность ответов на них не может быть удостоверена ни эмпирическим, ни даже логическим путем. Ведь не существует никакой более широкой области действительности, по отношению к которой могла бы быть однозначно установлена их *общепризнанная* истинность или ложность.

В начале построения любой философской системы лежит акт *свободного выбора* ее предельных оснований. Многие философы, при всех разногласиях между ними, сходятся в том, что философствование как таковое, есть *дело свободного духа*. И в этом отношении всякий человек, *поскольку он свободен*, является потенциальным философом. Профессионализм же проявляется в том, чтобы, на свободно выбранных основаниях, построить *внутренне согласованную (консистентную)* систему взглядов, выражающих *собственную* жизненную позицию. Поэтому в любой философской системе всегда присутствует личность ее создателя. Это всегда философия Платона или Аристотеля, Декарта или Гегеля, Маркса или Хайдеггера. Поэтому из их учений никак не удастся сложить некую целостную «коллективную» конструкцию.

Именно сочетание в философии свободы выбора оснований с требованием консистентности системы и порождает бесконечный спор о том, является ли философия наукой. Однозначное разрешение этого спора невозможно, потому что те, кто подчеркивает системность философского знания, склонны считать ее полноценной наукой — и они правы; те же, кто акцентирует внимание на свободе выбора оснований, отказывают философии в научности — и они тоже правы. Во всяком случае, если философия и наука, то наука особого рода, которая отличается от физики или биологии и по характеру предмета, и по способу построения.

Будучи *консистентной* системой, любое философское учение может стать предметом преподавания и изучения. Но человек,

изучивший его, не достигнет того же результата, как, скажем, при изучении физики, потому что он будет знать именно *аристотелевскую* или *егелевскую* философию. Более того, он не достигнет цели, даже если изучит *все* философские системы, ибо это будет знание не *Философии* как таковой, а лишь *истории философии*. Поэтому невозможно создать такой учебник по философии, который, подобно учебникам по естественнонаучным дисциплинам, содержал бы только самые современные общепризнанные решения философских проблем, а саму философию нельзя выучить и запомнить так же, как физику или биологию.

Вы спросите, а чему же тогда учат на философских факультетах? Там изучают философские системы. Но это лишь историко-философское *познание*, которое является прологом к профессиональному *пониманию* философии. Возможно ли такое понимание на непрофессиональном уровне? И если да, то каким образом?

Специфика философских вопросов не ограничивается только неоднозначностью решений. Философские вопросы отличаются от естественнонаучных еще и своей неустраимостью. Ведь не изучив, скажем, физики или биологии, человек вполне может нормально жить, если его профессиональная деятельность лежит далеко в стороне от этих областей знания. Философские же вопросы – это вопросы, решение которых связано не с реализацией профессиональных устремлений, а со свободным выбором собственной жизненной позиции. Бог – это реальность или фантазия? Действительно ли существуют любовь, дружба, верность, или это не более чем красивые иллюзии? Дают ли наши чувства истинные представления о вещах или обманывают нас, и можем ли мы полностью доверять им? Что является большим благом: признательность близких или банковский счет?

Кто из вас не ставил перед собой подобных вопросов? Однако, внимательно рассмотрев их, вы увидите, что все они представляют собой частные формы вопросов философских: «*Что значит быть?*», «*Что есть истина?*» и «*Что есть благо?*». Ответы на подобные вопросы определяют не то, какой ты физик, биолог или юрист, а то, *какой ты человек*. Всякая попытка ответить на них – это уже начало философствования, хотя частная форма скрывает философскую природу этих вопросов, маскируя их под житейские, религиозные или научные. Философичность таких вопросов обнаруживается в принципиальной невозможности однозначных ответов на них. Невозможность эта *логически обосновывается* немецким философом Иммануилом Кантом (1744 – 1804) в учении о беспочвенности рациональной теологии, рациональной космологии и рациональной психологии и *практически подтверждается* всей действительной историей философии.

В самом деле, ни бытие, ни небытие Бога не доказываются и не опровергаются никакой логикой и никаким эмпирическим опытом. Считать его существующим или несуществующим – дело свободного выбора человека. Но, сделав выбор в пользу Бога, он займет совершенно иную жизненную позицию, чем в случае атеистического выбора. И то же самое справедливо в отношении вопросов о любви, верности или признательности близких. Таким образом, если мир естествознания содержит вопросы, ответы на которые вполне могут быть общепризнанными, не являясь, в то же время, необходимыми, то мир философии парадоксальным образом содержит вопросы, однозначное и окончательное решение которых является и *необходимым*, и *невозможным* одновременно.

Необходимость и невозможность однозначного решения философских вопросов проистекают из одного основания: решение их связано с *самоопределением личности*. Действительно, если человек хочет занять собственную жизненную позицию, он должен совершить акт самоопределения, решившись на *свой* уникально-неповторимый способ бытия в мире. Подчеркивая глубокую связь человеческого «Я» с решением именно философских вопросов, немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте (1762 – 1814) писал: «Какую философию кто выберет, зависит от того, какой кто человек, ибо философская система – не мертвая утварь, которую можно было бы откладывать или брать по желанию; она одушевлена душою человека, обладающего ею»¹. Каждый человек рано или поздно оказывается перед необходимостью такого выбора. Существует четыре основных способа его реализации:

- во-первых, человек может сделать этот выбор, ориентируясь на некие общепринятые «усредненные» нормы – «как все»;
- во-вторых, подражая какому-то авторитетному для него образцу – «как герой-образец»;
- в-третьих, он может делать выбор самостоятельно, но каждый раз заново, не заботясь при этом о согласованности своих выборов – «как получится»;
- и, наконец, делая свой выбор, он может попытаться построить на его основе целостную, внутренне связанную *систему собственных взглядов* – «как философ».

И, хотя в каждом из этих способов присутствует какой-то элемент философствования, он минимален в первом варианте и максимален в последнем.

Мы предлагаем вам совершить небольшую экскурсию в мир философии. Это будет именно экскурсия, после которой вы вряд ли сможете сказать, как после завершения курса физики: «Теперь я знаю физику», мы рассчитываем, в лучшем случае, на знание-знакомство, в результате которого вы сможете сказать: «Теперь я

знаю, что такое философия». Но мы надеемся также, что экскурсия в этот мир вызовет у вас собственный интерес к философии и станет стимулом к самостоятельному философствованию, т.е. к осмысленной постановке и разрешению философских вопросов.

Глава 1. НАЧАЛО ФИЛОСОФИИ

§ 1. Рождение мифа

*Ум надобен тем,
кто далеко забрел, —
дома все тебе ведомо.
Речи Высокого*

С Умом и без Ума. Приведенное в эпиграфе изречение, приписываемое скандинавскому богу Одину, может вызвать, по меньшей мере, два вопроса. Первый лежит на поверхности: «Почему ум нужен, прежде всего, забредшему далеко?». Второй более глубок: «Что есть тот самый ум, который нужен тому, кто далеко забрел и без которого вполне может обойтись остающийся, поскольку дома ему все ведомо и так, то есть *без ума?*».

Ответ на первый вопрос не вызывает особых затруднений. Очевидно, что вещи, с которыми человек имеет дело у себя дома, знакомы ему. Понимание сущности и смысла таких вещей не составляет для остающегося дома серьезной проблемы, поскольку их происхождение и предназначение ему не только непосредственно известны, но во многих случаях им же самим и определены. Другое дело — забредший далеко. Он встречает множество незнакомых вещей и людей, которых видит впервые. Но как обращаться с этими, *неведомыми* вещами и людьми? Ведь даже если они очень похожи на те, с которыми человек прежде имел дело у себя дома, они все-таки *другие*. Вот здесь-то ему и становится нужен Ум, как способность увидеть в другом *то же самое*, идентифицировать впервые встреченную вещь как нечто уже известное, *узнать* ее, понять ее смысл и предназначение и определить, что же можно и нужно с этой вещью *делать?* Итак, «забрэдшему далеко» Ум нужен, потому, что он дает возможность ориентироваться в непривычной, *чуждой* среде.

Ответ на второй вопрос: «Что есть Ум?» уже не столь очевиден, а сам вопрос поставлен вполне по-философски. Попробуем вместе порассуждать об этом. Ум нужен тому, кто «далеко забрел». Далеко от чего? От привычного, естественного места своего обитания, где ему «все было ведомо». Но есть в этом мире, по крайней мере, одно существо, которое *всегда* находится вне *естественной*

среды обитания. Это существо — человек. Любой звереныш рождается в среде, к которой он прекрасно приспособлен. Наследственные рефлексы и инстинкты «подсказывают» ему, какие предметы благоприятны, а какие, наоборот — опасны для него. Человек же обитает не в природной, а в культурной среде, поэтому биологические механизмы, предназначенные для обеспечения выживания в естественных условиях, *бьют мимо цели*, ибо сформировались они *задолго до того*, как появились предметы, сделавшиеся жизненно важными или смертельно опасными для человека.

«Животное, — говорит, например, Иммануил Кант, — благодаря своему инстинкту имеет уже все... Человеку же нужен свой собственный разум. У него нет инстинкта, и он должен сам выработать план своего поведения... Человеческий род должен своими усилиями постепенно, из самого себя, вырабатывать все свойства, присущие человеческой природе»² Для существа в совершенстве приспособленного к среде Ум является «излишней роскошью». Человеку же он совершенно необходим, чтобы восполнить дефицит инстинкта. Следовательно, основная функция Ума — *компенсация природного непонимания жизни*, а его наличие — свидетельство *несовершенства* человека, его плохой приспособленности к природной среде.

Из нужды — благо. В биологическом отношении человек есть самое неприспособленное к жизни существо и, как таковое, должен был бы давно исчезнуть. Но что мы увидим, обратившись к действительной истории этого существа?

Когда, около 40 тысяч лет назад, сформировался современный тип человека (*Homo sapiens*), его численность составляла около 500 тысяч. Около 10 тысяч лет назад, на фоне перехода от охоты и собирательства к производящему хозяйству численность населения начинает стремительно расти и к концу XX века новой эры перешагивает отметку в 5 миллиардов. Таким образом, с момента возникновения человек увеличил свою численность в десять тысяч раз и заселил всю территорию планеты, сильно потеснив других ее обитателей. В чем же секрет такой стремительной экспансии человека?

Здесь можно сказать, что как наши недостатки являются продолжением наших достоинств, так и наоборот — наши достоинства могут вырастать из недостатков. Каждый вид животных идеально приспособлен к жизни в *своей* среде: лев в саванне, верблюд в пустыне, белый медведь в полярных льдах — изменить по своему произволу среду обитания и образ жизни они не могут. Человек же, не приспособленный *ни к какой* среде, оказался настолько пластичным, чтобы освоить *любую* из них. Но механизм этого освоения лежит уже за пределами биологической эволюции,

ибо человек не просто *осваивает* данную ему природную среду, а *создает* на ее основе пространство собственного обитания, как совершенно особую — *культурную среду*.

Природа и культура. В отличие от животного, человек есть не столько природное, сколько *культурное* существо. Но в чем проявляется это отличие? Каковы внешние формы его обнаружения?

Думаю, мы не ошибемся, сказав, что человек отличается от животного *сложностью, вариативностью и динамичностью* поведения. В чем проявляется вариативность и динамичность — очевидно. Несмотря на то, что все люди составляют биологически единый род, поведение их может существенно меняться в зависимости от условий *места и времени*. Так, например, весьма различен образ жизни гренландских эскимосов, «лесных людей» бушменов и жителей пустыни туарегов. Или возьмем европейцев, жизнь которых сегодня стала совершенно иной, чем два столетия назад, хотя геофизические условия ни на йоту не изменились, да и не могли измениться за столь короткий срок.

Из сопоставления многовариантного поведения человека с жестко «запрограммированным» видовым поведением животных, можно сделать следующее заключение. Если в животном мире биологический вид представляет собой нераздельную целостность, то «человеческий род», сформировавшись на единой биологической основе, в своей собственно человеческой истории порождает ряд различных *культурно-исторических* образований, разделенных временными и пространственными границами. Или, иными словами, если природа *едина*, то культура *множественна*.

Но как происходит разделение единого человеческого рода на множество иногда несовместимых, а иногда даже и враждебных друг другу культурных образований? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к первой (и главной) особенности человеческого поведения.

Поведение простое и сложное. В чем проявляется отличие сложного поведения от простого, и что можно считать критерием сложности?

Рассмотрим простой биологический эксперимент. Возьмем курицу и кучку зерна и расположим их по разные стороны неширокой проволочной сетки. Птица устремится к пище, пытаясь прорваться напрямик сквозь преграду. Крыса, решая аналогичную задачу, действует иначе. После безуспешной попытки достичь пищи напрямик, она обходит сетку и теперь уже беспрепятственно приближается к приманке. Такое поведение может показаться парадоксальным: ведь крыса начинает двигаться по направлению не **к** вожаделенной цели, а **от** нее! В отличие от простого действия курицы, действие крысы включает в себя не одно, а *два* звена.

Количество *промежуточных звеньев*, располагаемых в пространстве между потребностью и ее удовлетворением, можно считать показателем сложности поведения. И в этом отношении «поведенческие цепочки», выстраиваемые человеком, оказываются на несколько порядков длиннее, чем у самых высокоразвитых представителей животного мира.

Но отличие человеческого поведения от поведения животных не ограничивается лишь большим количеством промежуточных звеньев. Человек в своей деятельности использует *предметы*, которые сами по себе не удовлетворяют никаких его биологических потребностей. Копье охотника, мотыга земледельца, жернова мукомола – ими невозможно насытиться или укрыться от непогоды. Сами по себе эти вещи совершенно бесполезны. Смысл и ценность они обретают только тогда, когда становятся звеньями длиннейших «поведенческих цепочек». Поэтому, чтобы изготавливать, сохранять и использовать такие предметы, необходимо *удерживать в сфере внимания всю цепочку*, одним из звеньев которой является нужная вещь. И эту способность, наряду со способностью *узнавать* предметы, тоже можно считать неременной принадлежностью Ума. Чтобы понять, как возникает такая способность, обратимся к факторам, определяющим и регулирующим поведение живых организмов.

Биологическое регулирование поведения. Из курса биологии вы знаете такие формы регулирования поведения, как рефлекс и инстинкт и умеете различать безусловные и условные рефлексы. Поэтому мы рассмотрим только те их аспекты, которые относятся к нашей теме.

Безусловный рефлекс полностью определен формой тела и расположением заложенных в нем готовых рефлекторных дуг. Поведение здесь, как и сама форма тела животного, полностью запрограммировано. Животному не нужно ничему учиться, потому что оно с рождения обладает готовым набором стандартных реакций. Достоинством безусловного рефлекса является его наследуемость через генетический код. Недостатком – негибкость, неспособность быстро перестраиваться.

Условный рефлекс преодолевает консервативность безусловного рефлекса за счет формирования временных рефлекторных дуг. В результате, у животного появляется возможность накапливать индивидуальный опыт, носителем которого выступает уже не генетический код, а система временных нервных связей – моторная память организма. Слабое место условного рефлекса – непрочность его носителя. Если ген, по существу бессмертен, то индивидуальный опыт животного умирает и разлагается вместе с телом.

Человеку удалось совместить накопление индивидуального опыта с передачей его последующим поколениям. Именно благо-

даря этому он превратился из самого биологически неприспособленного существа в безусловно доминирующий на нашей планете вид. Как же была решена эта задача?

Внебиологическая аккумуляция опыта. Возможность наследования индивидуального опыта появляется, когда наши далекие предки начинают использовать предметы в качестве орудий (инструментов) своей деятельности. Имея дело с инструментом, его можно усовершенствовать так, чтобы им было удобнее или эффективнее работать. Так, например, очищая шкуру убитого животного осколком кремня, первобытный охотник мог, оббив край камня, заострить его. Значение этой на первый взгляд простой операции огромно.

Работая заостренным камнем, человек приобретает опыт, который откладывается во временных связях его нервной системы, как моторная память. Здесь пока еще нет ничего нового, ибо точно так же формируется и индивидуальный опыт животного. Но человек заострил камень, изменил его форму так, что им стало удобнее обрабатывать шкуру. Это значит, что опыт обработки шкур зафиксирован *дважды*: в моторной памяти тела, и *внешним образом*, — в измененной форме предмета. И если внутренний опыт разлагается и исчезает вместе с телом, то внешний остается в предмете. Более того, опыт моторной памяти тела может быть использован только его «владельцем». Предмет же можно передать другому человеку, и тот, сколов еще одну грань, сможет прибавить свой опыт к опыту предшественника.

Так *предмет*, орудие становится *первой* собственно человеческой формой аккумуляции (накопления) индивидуального опыта. Разнообразя предметы своей деятельности, человек получил возможность менять формы своего поведения намного быстрее, чем любое, самое высокоорганизованное животное. Ведь если в мире животных каждое поколение начинает накопление индивидуального опыта «с нуля», то новые поколения людей могут опираться на опыт, уже накопленный предшественниками. Правда, возможность эта была обретаена ценой утраты единства человеческого рода, распавшегося на множество обособленных культурных общностей, каждая из которых была отделена от других традициями, обычаями, а самое главное — собственным языком, которого другие просто не понимали.

Речь и язык как формы трансляции опыта. Итак, человек приобрел способность выстраивать длиннейшие цепочки из предметов и действий, ведущие к удовлетворению какой-либо физиологической потребности только на самом последнем шаге. И лишь при условии, что ни одно из звеньев не будет пропущено, иначе под угрозой окажется тот самый конечный результат, ради кото-

рого и выстраивалась вся цепь. Однако среди поведенческих цепочек появляются и такие, которые растягиваются во времени так, что путь от первого до завершающего звена занимает месяцы и годы, как, например, цепь земледельческого цикла. Более того, такие цепи могут пересекаться, образуя подчас очень сложно разветвленные структуры, объединяющие различные «технологии» (например, поиск руды, выплавка металла, изготовление земледельческого инвентаря, обработка земли и т.д.). Поэтому, начиная работу, человек должен был, во-первых, удерживать в сфере внимания всю последовательность собственных действий и, во-вторых, иметь общее представление о действиях «смежников», к которым на том или ином этапе ему приходилось обращаться за сырьем, инструментом, советом или благословением.

Понятно, что моторная память здесь совершенно недостаточна. В лучшем случае она способна удерживать последовательность собственных действий человека, но не его «смежников», моторный опыт которых для него полностью закрыт. То же самое относится и к предметам деятельности. Всякий «специалист» имеет опыт обращения, прежде всего, со своими, а не с чужими орудиями и инструментами. Задача более четкой фиксации собственного опыта и общего ознакомления с опытом соплеменников решается благодаря *второму* собственно человеческому способу передачи индивидуального опыта — *членораздельной речи*.

Речь возникает на базе орудийной деятельности, когда вещам и действиям присваиваются имена, замещающие сами предметы. В результате, предметный опыт получает новую форму выражения — слово, и таким образом, над моторной памятью и предметом надстраивается еще одна (*третья*) форма фиксации индивидуального опыта — *язык*. Благодаря языку каждый получает возможность осваивать опыт другого человека, не повторяя его движений, и не имея непосредственного контакта с предметами его деятельности. Появление языка существенно расширяет круг людей, которым может быть адресован опыт, зафиксированный в слове. Теперь он становится доступным всем его носителям, независимо от пола, возраста или рода занятий. Различие предметов деятельности не может разъединить людей, поскольку над ним вырастает объединяющая их общность языка. Вот что, например, говорится об этом в «Калевале»:

Я собрал все эти речи,
Эти песни, что держали
И на чреслах Вяйнямёйнен,
И в горниле Ильмаринен,
На секире Каукомъели,

И на стрелах Ёукахайнен, —
В дальних северных полянах,
На просторах Калевалы.

Но это еще не все. Язык именует не только людей и предметы, сделанные ими. Имена получают звери и птицы, горы, реки, природные стихии. Благодаря этому, все они начинают восприниматься как полноправные участники речевого общения, рассказывающие человеку о себе на понятном ему языке:

Насказал мороз мне песен,
И нанес мне песен дождик,
Мне наваял песни ветер,
Принесли морские волны,
Мне слова сложили птицы,
Речи дали мне деревья.
Я в один клубок смотал их,
Их в одну связал я связку...

Так природный мир становится продолжением общины, живущим одной жизнью с человеком. Люди, природные явления и сверхъестественные существа — духи, в существование которых твердо верит первобытный человек, представляются ему «связанными в одну связку», для описания которой создаются сложные комплексы повествований о порядке мироздания. Такие комплексы — мифы — образуют еще один (*четвертый*) уровень организации, аккумуляции и трансляции жизненного опыта. Они-то и составляют основное содержание архаического Ума, который теперь можно определить как *способность свободно ориентироваться в новом мире, расположенном «на стыке» природы и культуры.*

Мифологическое мышление. Специфика человеческого бытия связана с накоплением, использованием и передачей опыта. Но в неупорядоченном, хаотическом мире, опыт, приобретенный *здесь и сейчас*, не может быть использован *там и потом*. Ведь в хаотическом мире все изменяется непредсказуемым, случайным образом. Поэтому идея универсального *мирового порядка* возникает в незапамятные времена вместе с возникновением человека и сопровождает его на протяжении всей истории. Наиболее древней формой ее реализации является миф.

Древнегреческим словом «миф» (предание) обозначаются сказания о богах и героях, которые, живя в самом начале времен, были свидетелями или участниками сотворения мира. Практически все древнейшие мифы трактуют это сотворение как внесение порядка и законности в первобытный хаос. Уже в них обозначается четкая

поляризация *добра*, носителями которого становятся силы гармонии и порядка, и *зла*, однозначно увязываемого с силами, стремящимися нарушить закон, уничтожить установленный порядок.

Особое значение в организации социального опыта древнего человека обретают мифы о *культурных героях* — божествах или богоподобных предках, которые создают или дарят людям предметы культуры и устанавливают нормы общественных отношений. Таковы, например, древнеегипетские боги Птах и Атум, античный титан Прометей, первопредок североамериканских индейцев могучий шаман Ворон или «божественный кузнец» финнов Ильмаринен. Культурные герои добывают для людей огонь, дают им орудия труда, культурные растения, учат их охотничьим приемам, земледелию и ремеслам, устанавливают брачные правила, магические предписания и ритуалы.

Благодаря божественному происхождению, любое дело обретает для человека двойной смысл. С одной стороны — это предметное действие, работа, направленная на достижение практического результата, с другой — *форма богослужения*, выражение почтения и благодарности божеству, научившему человека этому делу. В мифе происходит «сакрализация (обожествление) технологий», превращающая поведенческие цепочки в священные ритуалы, из которых невозможно исключить ни одно звено. Малейшее отступление от предписанной последовательности операций рассматривается как *богохульство*, как пренебрежение заветами предков и прямое посягательство на установленный порядок.

Целостный образ мира, который создает миф, обеспечивает фиксацию и передачу гораздо более сложных форм поведения, чем моторная память, орудие или язык. Этот образ становится базисной основой мифологического мышления, привязывающего всякое явление к координатам, установленным мифом. И не стоит относиться к нему пренебрежительно. Более десяти тысячелетий миф был прочной опорой для величайших цивилизаций древности. Лишь сравнительно недавно, чуть больше двух тысячелетий назад миф начинает уступать свои позиции. Почему и как это происходит? Этот вопрос мы рассмотрим в следующем параграфе.

Задания к § 1

Для самоконтроля:

1. Согласны ли Вы с тем, что наличие ума является свидетельством биологического несовершенства человека?
2. Укажите основные факторы, способствовавшие возникновению человеческого ума.
3. Какие преимущества дает человеку обладание умом?
4. Объясните роль мифологии в жизни архаических культур.

Для закрепления материала:

5. Выпишите в тетрадь основные этапы формирования мифологического мышления.

6. Заполните таблицу: «Условия возникновения мышления».

Биологические	Социальные

Для обсуждения:

7. Объединившись в группы по 4 человека, обсудите и сформулируйте в письменном виде вопросы, которые Вы хотели бы задать учителю для разъяснения.

8. Продолжая работать в той же группе, обсудите выражение из Упанишад³: «Сердце и эта мысль суть ум, сознание, понимание, познание, разумение, мудрость, прозорливость, твердость, мышление, рассудительность, влечение, память, замысел, воля, жизненность, желание, властьность – все это поистине наименования ума». Попробуйте разъяснить смысл этого выражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фихте И.Г. Первое введение в наукоучение // Соч. В 2 т. Т. 1. – М., 1993. – С. 460.

² Кант И. О педагогике // Трактаты и письма. – М., 1980. – С. 445.

³ Упанишады – древнеиндийские философские комментарии к «Ведам» – древнейшим религиозно-мифологическим гимнам индоарийцев. Здесь приведено высказывание из Айтрея-упанишады (3.2).

Аннотация

Основная задача учебника «Основы философии» заключается в том, чтобы ознакомить учащихся старших классов гуманитарного профиля с идеями и понятиями, составляющими предмет философского знания, а также с современными системами ценностных ориентаций, помочь им в осознанном выборе жизненных целей. Учебник предназначен в качестве пособия по соответствующему элективному курсу, предлагаемому в качестве дополнительного, по образовательной области «Обществознание». Данная публикация состоит из Введения, Главы I «Начало философии» (§ 1).

Ключевые слова:

Философия, мудрость, истина, знание, поведение, опыт, язык, миф.

Summary

The goal of the tutorial of «The Basis of philosophy» is to acquaint learning senior classes of a humanitarian structure with ideas and the concepts making a subject of philosophical knowledge, and also with modern systems of valuable orientations to help them with the realized choice of the vital purposes. The tutorial is intended as the manual on appropriate elective courses to a rate offered as additional, on educational area «Knowledge of a society». This publishing work contains Chapter 1 «The source of philosophy» (§ 1).

Keywords:

Philosophy, wisdom, truth, knowledge, whole world, behaviour, experience, language, myth.